

Litera

Правильная ссылка на статью:

Клименко С.И. Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.72733 EDN: ASYWPI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72733

Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой

Клименко Станислав Игоревич

ORCID: 0009-0003-7218-1509

ассистент; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет
аспирант; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс 10, Восточный Институт

✉ valiriec5656@bk.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.72733

EDN:

ASYWPI

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является функционирование антиномии "человек — мир" в текстах отечественной рок-поэзии. Объектом исследования стали тексты песен Ольги Викторовны Арефьевой. В исследовании особое внимание уделяется влиянию романтической традиции на поэтику автора, рассматривается специфика функционирования образов и мотивов, даётся комментарий относительно того, каким образом Арефьева реализует антиномию "человек — мир", какой интенцией наделяет взаимоотношения между лирическим субъектом и миром, выраженным через "других". В ходе исследования даётся комментарий относительно организации системы образов в текстах Арефьевой, анализируются способы демонстрации антиномии. Изучается фигура лирического субъекта, его отношение к окружающему миру, взаимоотношения с "миром" в поэтике Арефьевой. В рамках обсуждения системы образов особое внимание уделяется описанию "других" и "тебя" в текстах автора. В рамках исследования использовался метод сопоставительного литературоведческого анализа. Для получения результатов проводилась выборка из корпуса текстов песен Ольги Арефьевой, которые подбирались

по принципу соотнесённости с антиномией "человек — мир". Затем тексты анализировались для выявления общих и различных образных и мотивных особенностей. Новизна исследования заключается в том, что тексты песен Ольги Арефьевой в рамках обсуждения влияния на них романтической традиции не обсуждалась в рамках отечественного литературоведения. В результате проведённого исследования удалось установить, что в поэтике Арефьевой антиномия "человек — мир" раскрывается через взаимосвязь лирического субъекта с "другими", отождествляемыми в разных текстах с машинами, подчиняемой толпой, алчными лицемерами. При этом для лирического субъекта Арефьевой становится важной фигура "ты", обозначающая, как правило, любимого человека. "Ты" занимает промежуточное положение между лирическим субъектом и "другими", в одних текстах оказывая помощь, а в других — являясь частью разрушительного социума. В поэтике Арефьевой выход из антиномии становится возможным при контакте с "горним" пространством, в которое открыт доступ только тем, кто способен полюбить, простить или же творить.

Ключевые слова:

русская рок-поэзия, романтизм, антиномия, Ольга Арефьева, постсоветская поэзия, литературоведение, образ общества, романтический герой, литературная традиция, синкетический текст

Рок-поэзия, как отдельный и комплексный феномен, уже несколько десятилетий является обсуждаемым и «продуктивным» объектом филологических исследований, что подтверждается появлением научных трудов, касающихся изучения семантической, жанровой и языковой природы рок-текста [1, 2, 3, 4, 5]. За всё время функционирования такой научной отрасли, как рок-филология [6], оформилось множество направлений исследований, среди которых, на наш взгляд, наиболее выделяются следующие: изучение вопроса жанровой и стилистической специфики рок-текста, в том числе анализ общих черт и специфик, характеризующих данный феномен; а также описание особенностей, свойственные произведениям конкретных представителей рок-поэзии (в этом контексте наиболее полно исследовано творчество Е. Летова [7], В. Цоя [8], Я. Дягилевой [9], А. Башлачёв [10] и др.). Последнее направление исследований мы находим наиболее продуктивным в сфере филологических научных изысканий, так как при углублённом анализе авторского подхода открывается возможность обнаружить как общие тенденции, свойственные всей рок-культуре, так и различия, напрямую коррелирующие с индивидуальным ощущением окружающего мира и особенностями его изображения через художественный текст. В данном контексте нас наиболее интересует связь между рок-поэзией и одним из её идейных и эстетических предтечей — романтизмом. Данное направление исследований является одним из возможных способов работы с рок-поэзией, например, через обращение к вопросу соотношения и наследования рок-текстом черт романтических стихотворных жанров, таких как баллада [11].

О связи между рок-культурой и романтизмом особенно точно выразилась Е. Г. Милюгина в своей работе «Феномен рок-поэзии и романтический тип мышления». Исследователь размышляет о связи романтизма и рок-культуры следующий образом: «Кризисность бытия конца века и конца тысячелетия в очередной раз актуализирует романтический тип мышления. Наиболее ярко эта особенность мышления проявляется в контркультуре,

в том числе рок-культуре. В феномене рока она выражается в революционно-разрушительном пафосе по отношению к традиционному искусству и сложившейся системе культурных ценностей, ведущем к демонстративному отказу от "прямого" отражения видимой действительности, осознанно экспериментальному характеру творчества и бытия и т.д. Противостояние рока традиционной культуре носит, как и в случае с романтизмом и неоромантизмом, не только и не столько социальный, политический, идеологический или эстетический, сколько экзистенциальный характер» [12, с. 55]. Романтизм в понимании Милюгиной стоит рассматривать как один из важнейших эстетических и философских компонентов рок-поэзии, аккумулирующей в себе не только «чистое» наследие художественного направления, но и его «возвращения» в разнообразные периоды времени (например, неоромантизм, символизм и т.д.) [12, с. 54]. В реалиях, актуальных автору рок-текста, романтическая концепция трансформируется, наполняется субъективно оформленной атрибуцией и коннотацией, реализуясь в новой синкретичной форме.

Одним из наиболее ярких примеров функционирования романтической поэтики в современных рок-текстах можно считать обращение авторов к романтическим антиномиям, обозначенными Е. Г. Милюгиной через три бинарные оппозиции: «человек — мир», «идеал — действительность» и «жизнь — искусство» [12, с. 55]. Вышеуказанные оппозиции можно обнаружить в качестве узлового семантического компонента у многих авторов, создающих тексты в рамках рок-культуры. Если посмотреть на вопрос глубже, то можно обнаружить, что способы реализации вышеуказанных оппозиций различаются в зависимости от специфики авторской поэтики: здесь можно говорить и о способах разрешения противоречия, оформленного в оппозиции, и о форме организации конфликта на семантическом и языковом уровнях. Через анализ данных особенностей мы можем обнаружить не только индивидуальные черты автора, но и описать развитие романтической поэтики в рамках дискурса о современной русской литературе и культуре.

Особый интерес для нас представляет творчество О. В. Арефьевой, известной и в качестве самостоятельного исполнителя, и в качестве лидера группы «Ковчег». Несмотря на то, что творчество Арефьевой особым образом интегрировало в себя множество направлений и стилей, как музыкальных, так и литературных, её тексты до сих пор изучены недостаточно, а в контексте собственно «наследования» романтической традиции практически не рассматривались. При этом синкретическая природа текстов Арефьевой, использование ею приёмов, свойственных постмодерну, фольклору, символизму и романтизму, разнообразие лирических героев и ситуаций — всё это делает поэтику автора комплексной и многогранной, представляющую особый интерес в рамках разговора о рок-поэзии, (в частности, наиболее полно исследовалась роль интертекстуальности в поэтике автора) [13]. Поэтому в настоящем исследовании мы будем говорить о том, каким образом Арефьева реализует в своей поэтике конкретную романтическую антиномию «человек — мир», как она «разрешается», какими авторскими чертами эта антиномия наделяется. Обращение к конкретной антиномии было сделано для того, чтобы «сузить» границы исследования и сконцентрироваться на анализе таких явлений.

Первое, на что необходимо обратить внимание при работе с текстами Арефьевой, это на то, что в её прочтении антиномия «человек — мир» хоть и оформляется согласно романтическому канону, однако участники оппозиции (лирические героини и общество) обладают собственными «лицами» и их «противостояние» представлено не только с позиции драматического неразрешимого конфликта между индивидуалом и социумом. Мы обнаружили следующие закономерности романтического характера: лирические героини

и герои Арефьевой отделены от общества (либо по своей воле отдаляясь от «мира» и фокусируясь на рефлексии («Забор», «Однокое время», «Карточное пальто»); либо по причине противостояния с «миром», окончившимся для лирической героини разочарованием в социуме («Мыловар», «Се ля ви», «Не верьте мне»); либо из-за отсутствия контакта с «миром» по причинам внутренней непохожести/внутреннего «отсутствия» в общественной жизни («Сторона От», «Без меня», «Дочь человечья»)). Лирические субъекты не могут найти общего с социумом, стремятся от него дистанцироваться, но при этом им свойственно как желание признания со стороны «мира» и получения любви со стороны «другого» («Сторона От», «Полюби меня», «Оборотень»), так и желание быть вне общества и связи с кем-либо («Забор», «Лётчица»).

Вышеуказанный тенденция связана, на наш взгляд, с тем, что лирические героини и герои Арефьевой представлены в её творчестве как непонятые авантюристы и гении: они идут туда, куда не рискнёт идти обычный человек, обладают сверхъестественными способностями, «возвышаются» над обывателем благодаря знанию и умению творить («Сторона От», «Трудоголя», «Магия чисел»). При этом одиночество, сопровождающее непонятых героев, у Арефьевой связывается с контекстом тёмного времени, мучительным состоянием и, как было указано выше, иногда с каждой признания со стороны «других» («Про фольгу», «Однокое время», «Каллиграфия» и др.), хотя оно и может контрастировать с текстами, где лирический герой или героиня, наоборот, стремятся дистанцироваться от реальности через связь с природой, Богом, творчеством и самой природой жизни («Моление», «Аллилуя», «Весенние дни», «Мышка Божия» и др.). При этом в текстах Арефьевой «другие» имеют конкретные атрибуты и характеристики, за счёт которых стандартный образ «непонимающей толпы» обретает многоаспектную природу.

Наиболее показательным примером изучаемой нами антиномии можно считать текст песни «Сторона От», написанном в 1992 году и ставшем частью альбома «Колокольчики». Лейтмотивом текста выступает движение в Сторону От, к которой никто, кроме лирической героини, идти не желает. В песне нет конкретных черт, соотносящихся со Стороной От, кроме того, что «больше никто со мной не идёт» [14]. Однако в самом тексте отношение к неизвестной стороне разделяется между лирической героиней (отражённой через «я») и «мира» («Кто», «они»). В тексте песни «Кто» представляются чем-то машинизированным, прагматичным, стремящимся не к незнакомому, а к понятному и прямолинейному («Всё шито-крыто у тех, Кто, / Они запивают железом слова / Их экскаватор шагает вперёд / Их бронепоезд, увы, не идёт, в сторону От» [14]). Прагматизм «Кто» соотносится семантически с поиском понятных и доступных целей в настоящий момент времени, тогда как будущее и прошлое их и не волнует, что видно в следующих строках: «Они забывают о том, что их ждёт, / Но они не забудут нажать на курок / Пусть мушка сломалась и ствол не бьёт, / Они целят в цель, а не наоборот, / В сторону От//» [14]. Прямолинейность «кто» лирическая героине не свойственна: она представляется как индивидуалистка, неподчиняющаяся правилам фигура, нарочно стремящаяся не походить на «Кто» и стремящаяся идти «окольными» путями: «Я иду спиной, чтобы не смотреть/ Чтоб не успеть, чтобы опоздать / К часу, когда они будут петь оду од / Стороне От» [14]. Движение в Сторону От интересует лирический субъект только до тех пор, пока никто, кроме неё, не видит таинственного и неизведанного направления, к открытию которого она желает «опоздать», чтобы остаться в позиции, противопоставленной «Кто», сохранить свою непохожесть на «мир».

Однако лирическая героиня в тексте вступает во внутреннее противоречие: она одновременно желает не быть с «Кто», самостоятельно отыскать свою дорогу и не быть частью общества, а с другой стороны — жаждет внимания хоть от кого-то, готового разделить с ней эту дорогу в сторону О, что можно увидеть в следующих строках: «Но никто не поёт — / Смотрите, она / идёт, в Сторону От // [14]». Наличие «другого», оценки «со стороны» для лирической героини как будто необходимо, как и сохранение индивидуальности, как будто существование без признания неполное. При этом в тексте «Стороны От» нет прямо выраженной конфронтации «Кто» и «я», их существование не ставит под угрозу друг друга, но их гармонии и баланса в тексте не достигается, так как «Кто» предпочитают простые и понятные «направления», что находит выражение в перечислении наиболее употребляемых грамматических конструкций, оформляющих движение человека: «Кто идёт в/ Кто идёт к/ Кто-то идёт на/ Кто-то идёт под// [14]». Здесь конфликт «человек — мир» выражается скорее через внутренние искания лирической героини, попытки осознать, что ей нужно: непохожесть на «Кто» или же их одобрение. Подобный вариант романтической антиномии можно считать «типизированным», в том числе и с точки зрения эстетических аспектов, где обнаруживается противопоставление мира «природного» (я) и мира «машинного» («Кто»), выступающих в качестве противоположно существующих явлений. Однако текст Арефьевой подобную «типичную» картину раскрывает через семантику и грамматику языка (если обратиться к перечислению «понятных» направлений), что позволяет рассматривать подход Арефьевой как «переосмысление» романтических типажей.

В то же время, нельзя не сказать о том, что «другие» в поэтике Арефьевой представляются не только через семантику «машинизацию», но и через семантику угрозы и коварства. Наиболее показателен данный контекст в песне «Забор», написанной в 1989 году. «Другие» в тексте представлены не просто «запограммированными» идти только вперёд людьми, стремящимися к понятному и доступному результату. Здесь «они» — враги, которые не понимают лирическую героиню и её близкого человека, стремятся украдь, предать, обмануть, уничтожить. «Они» представляется как те, кто «что угодно отдадут за то, чтоб посмотреть, как горит твой дом» или же «продадут не за рупь, не за грош, а за право вонзить тебе в спину свой нож» [15]. «Другие» представляется следующим образом: «В толпе болтунов, лицемером и пьяни — / Попутчики, зовущие себя друзьями, / Эти искатели дешёвой ласки, / Эти маски, с которых сыплются краски// [51]». «Другие» преображаются из просто непонимающих людей во вражескую силу, способную уничтожить человека ради удовлетворения своих потребностей, причём этот враг не будет действовать прямо, а примет на себя выгодную для достижения своих целей социальную роль. В тексте песни для защиты себя и своего близкого человека создаётся забор, который не позволит другим «твоё тело и душу делить поровну» [15]. Агрессия общества для лирической героини может быть ликвидирована только закрытием себя и своих близких, разрушением связей с «попутчиками», что свойственно романтической поэтике, где непонятый герой мог разорвать контакт с миром ради обретения покоя.

Сам сюжет «Забора» можно соотнести со «Стороной От» в контексте реакции «других». Если во втором случае лирическая героиня существует отдельно от незамечающего её общества, которому её «нетривиальные» цели не интересны, то в «Заборе» наблюдается иная картина. «Другие» заполняют жилое пространство «где негде встать и негде присесть» [15], являются незваными и неузнанными, жаждущими от хозяина дома удовлетворения страсти, сопоставляемой с деньгами и властью. Тот, кого лирическая героиня хочет «закрыть» от «других» — это «козырная масть», которую готовы разыграть

все подряд, но, когда карта сыграет своё, «завтра эта мразь спихнёт тебя в грязь» [15]. Если в «Стороне От» общество не понимает человека, то в «Заборе» оно пытается его использовать для реализации неких целей, что для человека может окончиться губительно. Чужие в тексте песни – маргиналы, которым неважно ничего, кроме собственного выживания и удовлетворения низменных потребностей («Так любят жрать и водку пить / Так спешат, что по дешёвке купить» [15]). Складывается впечатление, что в поэтике Арефьевой опаснее интегрироваться в общество, чем быть не в нём, так как в «Стороне От» лирическая героиня хоть и испытывает переживания о том, что «никто» кроме неё не идёт в «Сторону От», но она не подвергается агрессии со стороны как в «Заборе». «Мир», выраженный через «других» в песне, для лирической героини Арефьевой – это место непонимания, место опасности, место, где только близкий человек способен понять и принять.

Единственный человек, которому лирические героини Арефьевой готовы доверять – это «ты». Как правило, «ты» представляется единственным человеком, с которым возможно быть открытым и честным, продемонстрировать чувства и эмоции. При этом лирическая героиня не будет непонята («Страна От») и не будет подвергнута опасности («Забор»). Отношения с «ты», как правило, можно охарактеризовать как любовные и драматические, разворачивающиеся в ситуациях, где связь между возлюбленными имеет экзальтированный характер, «выводящий» человека за пределы тела и разума из-за чрезмерности силы чувств («Сделай что-нибудь», «Ночь в октябре», «Про фольгу»). Другим способом реализации любовного сюжета становится история о разрыве отношений, сопровождающихся предательством в отношении лирической героини («Мыловар», «Се ля ви»). В первом варианте его приводят к действию, просят принять любовь лирической героини и, если обратить внимание на текст, обнаруживаются призывы указать путь, помочь преодолеть тяжесть существования («Ты, если не спишь, позови меня из огня» [16]; «Укажи мне путь – от ночи до трамвая, / Укажи мне путь – ты его знаешь» [17]; «Я не знаю, что мне делать, когда я хочу к тебе/ Сделай что-нибудь //» [17]). Только в случае с возлюбленным лирическая героиня готова принять положение, в котором допустима уступка её свободе: возлюбленный здесь становится единственным «проводником» в окружающем мире, устойчивым центром. Хотя общий характер отношений представлен скорее в трагедийно-драматическом пафосе, только возлюбленный может дать лирической героине причины жить в мире, где она не может найти места («Где собаконька моя? – / Я не знаю, я – не я, / Я не помню, где лечу, / Отведи меня к врачу. //» [18]). Здесь же можно сказать, что одиночество в творчестве Арефьевой имеет амбивалентную природу: с одной стороны лирические героини видят в нём свободу, независимость и возможность самовыражения, с другой – воспринимают его как муку, невозможность обрести поддержку в тяжёлый период жизни, который без близкого человека сложно вынести.

В варианте предательства, наиболее полно отображенном в тексте песни «Мыловар», написанной Арефьевой в 1992 году и вошедшей в альбом «Колокольчики», обнаруживается иной подход к оформлению сюжета и образа «ты»: любимый «развенчивается» и становится частью «других». Момент предательства описывается в первых строках текста: «Я знаю тебя, а ты знаешь им цену, / Ты, кажется, нашёл достойную замену: / Они танцевали, а ты им подпел, / Мой дом сгорел, зато весь город цел» [19]. Мы интерпретируем данный фрагмент следующим образом: лирическая героиня была предана возлюбленным по доброй воле ради интересов «других». Возлюбленный «знает цену» людям, ради которых он предаёт лирическую героиню,

однако по неуказанным причинам, «подпевает» «другим», как будто управляя ими. Возлюбленный в этой ситуации уподобляется маргинальной стороне «других», отвергнув любовь главной героини на «достойную замену» (предположительно, на власть над толпой через творческую силу). В данном контексте строка «Мой дом сгорел, зато весь город цел» может быть рассмотрена в качестве «описания» самого акта предательства, где «жертвой» ради власти становится лирическая героиня.

В данном контексте обнаруживается, что антиномия «человек — мир» в творчестве Арефьевой реализовывается по следующей модели: с одной стороны представлен компонент «я» — лирическая героиня, с противоположной стороны находится «мир», выраженный через «они», а между ними расположен возлюбленный «ты», который способен как понять лирическую героиню, так и предать её в угоду «миру». В «Мыловаре» наиболее подробно отображается процесс, когда «они» и «ты» начинают объединяться, фигура возлюбленного, ранее выступающего в роли поддержки и указателя, обращается во врага, в обманщика. Лирическая героиня с трудом преодолевает это предательство, она называет возлюбленного «мой мальчик» [19], признаётся в том, что: «Я просто любила тебя целовать / знай, это больше чем стол и кровать!» [19].

Вспоминая о том, что любовь в антиномии «человек — мир» в творчестве Арефьевой является одним из путей преодоления одиночества, что любовь находится выше, чем «земные» потребности человека, можно говорить о том, что в «Мыловаре» верность самой идеи любви воспринимаются как способ обретения если не земного счастья, то горного. В частности, в тексте мы обнаруживаем, что лирическая героиня обнаружила «небо в небесах» [19], продолжая утверждать, что «не ведает слов кроме слова "люблю"» [19], следовательно, можно предположить, что верность и чистота любви отождествляются с «ключом» к непостижимому для большинства раю. Однако доступ к «небу небес» открывается лирической героине только после перенесённой боли от предательства, когда она разочаровывается в земном мире окончательно, отвергая пространство «других» окончательно, говоря следующее: «Где ставить свечу если в храме сарай? Так снимай с себя тело и голеньким в рай!» [19]. «Снятие с себя тела» можно интерпретировать как физическую смерть, переходящую духовное вознесение, получение «высшей награды» за преданность и веру в идею любви. Лирическая героиня заявляет следующее: «Но я не подвластна ведьмовским чарам / Я не отвечаю на выстрел ударом» [19]. Сохранение любви обозначает отказ от всякой мести в адрес возлюбленного-предателя, ведь таким образом лирическая героиня уподобится «другим», ведомым и управляемым «чарами».

В то же время лирическая героиня позволяет себе «низвести» возлюбленного до «других», как будто разорвав его связь с собой. «Я хотела плыть, но ты не был волной, / Я дала тебе нить, но ты шёл не за мной, / Я искала дождя, чтобы вызвать пожар, / Я ждала короля, а пришёл мыловар! //» [19] — лирическая героиня отмечает, что ошибочно сделала целью своей любви человека, который не был способен принять её или последовать за ней. Возлюбленный теперь полностью соотнесён с «другими»: он способен на обман и фальшь, не может помочь лирической героине обрести спокойствие и гармонию. Она обрела «благодать» не благодаря ему, а вопреки, сохранив «себя» и не поддавшись «другим». Следовательно, в сюжете о предательстве, мы обнаруживаем не только сложность взаимосвязи между «я» — «ты» — «они», но и то, что преодоление антиномии «человек — мир» в поэтике Арефьевой состоит в верности себе и идеалу любви, чтобы сохранить внутреннюю «благодать» и двигаться дальше.

Подводя итоги, необходимо сказать, что в поэтике Арефьевой антиномия «человек — мир» представлена в соответствии с романтической литературной традицией, сложившейся в русской культуре. Лирические героини автора представлены как индивидуалисты, стремящиеся сохранить свою непохожесть на окружающих, при этом испытывая страдание от одиночества и непонимания. «Другие» в поэтике Арефьевой — это общество прагматиков, циников, кровожадных лицедеев, ведомых простаков, что в лучшем случае проигнорируют существование лирической героини, а в худшем — будут пытаться уничтожить её ради удовлетворения своих интересов и прихоти. Единственный человек, которому лирическая героиня способна довериться, — возлюбленный, отношения с которым могут быть представлены как единственный источник «опоры», так и отношения предательского характера и обретения статуса ужаснейшего грешника. Предательство становится причиной слияния «ты» с «другими», разрушением надежд лирической героини на понимание хоть с чей-то стороны. Однако в поэтике Арефьевой предательство не может уничтожить лирическую героиню: она сохраняет свой взгляд на мир, способна на прощение предателя и обретение наивысшего блаженства. Дух в творчестве Арефьевой неизменно оказывается выше материи, любовь и творческое искание будут гораздо ценнее, чем жажда выгоды и поиск «прямой дороги». Вышеуказанные особенности творчества Арефьевой, на наш взгляд, нельзя считать единственным способом проявления романтической поэтики в её творчестве: в нашем исследовании не рассматривалось использование иронии по отношению к непониманию и отвержению обществом, не был подробно рассмотрен вопрос связи между миром земным и миром небесным в творчестве автора. Поэтому описание других, более «редких» и своеобразных черт влияния романтической традиции на поэтику Арефьевой ещё только предстоит. Однако даже сейчас мы можем констатировать, что автор не просто «наследует» романтическому канону, а преобразует его, демонстрируя то, что в рок-поэзии наследие русской литературной традиции обретает новые особые формы.

Библиография

1. Беляева Н. П. Современные подходы к типологии способов циклизации в рок-поэзии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1 (869). С. 126–133.
2. Карпов Д. Л. Лирический герой в рок-поэзии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоzнание. Культурология. 2023. № 3.
3. Доманский Ю. В. Поэтика рок-поэзии: о ключевых формулах рок-текста как объекте его идентификации и анализа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 6–17.
4. Хохряков А. Л. Рок-поэзия vs Рок-лирика: проблема соотношения понятий // Мировая литература в контексте культуры. 2022. № 15 (21). С. 67–76.
5. Пантелеев А. Ф., Талалаева М. А. Грамматическая метафора в поэзии русского рока конца XX – начала XXI века // Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 1. С. 80–87.
6. Доманский Ю. В. Рок-филология: проблемы и приоритеты // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 24. – М.: Эдитус, 2024. С. 5–8.
7. Щербакова-Калинина А. А. Неопределённо-личные предложения в творчестве Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2024. № 24. С. 82–89.
8. Петрова С. А. "Чёрный" и "белый" в художественном мире рок-поэзии Виктора Цоя // МНИЖ. 2021. № 12-5 (114). С. 70–75.
9. Пауэр К. Ю. Джоан Баэз и Янка Дягилева: опыт компаративного анализа песен // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2022. № 22. С. 183–194.
10. Темиршина О. Р. Лиминальный сюжет в лирике Александра Башлачева: структура и семантика // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 257–268.

11. Лочмелис Е.Р. Традиции баллады XIX века в песнях группы «Король и Шут» // Litera. 2024. № 8. С. 78-89. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71295 EDN: NFKABE URL: https://e-notabene.ru/fil/article_71295.html
12. Милюгина Е. Г. Феномен рок-поэзии и романтический тип мышления // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. № 2. С. 53-59.
13. Гавриков В. А. Альбом "Театр" Ольги Арефьевой в зеркале интертекстов (Данте, Шекспир, Коллоди, Кэрролл, Ломоносов, Радищев, Тредиаковский, Пушкин...) // Art Logos. 2018. № 1 (3). С. 115-126.
14. Арефьева О. В. «Сторона От» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/storonaot/> (дата обращения: 15.08.2024).
15. Арефьева О. В. «Забор» // URL: <https://ark.ru/lyrics/hvoin/zabor/> (дата обращения: 15.08.2024).
16. Арефьева О. В. «Ночь в октябре» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/nochvoktjabre/> (дата обращения: 20.08.2024).
17. Арефьева О. В. «Сделай что-нибудь» // URL: <https://ark.ru/lyrics/kolokolchiki/sdelajchtonibud/> (дата обращения: 15.08.2024).
18. Арефьева О. В. «Про фольгу» // URL: <https://ark.ru/lyrics/bozhia-korovka/yatakbolshenemogu/> (дата обращения: 20.08.2024).
19. Арефьева О. В. «Мыловар» // URL: <https://ark.ru/lyrics/vremya-nazad/mylovar/> (дата обращения: 15.08.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В данной рецензии рассматривается научная статья «Роль романтической антиномии «человек — мир» в творчестве О. В. Арефьевой». Статья посвящена актуальной теме – поэтике текстов рок-музыки и представляет собой исследование в области литературоведения.

Статья состоит из введения, основной части, заключения и списка литературы. Во введении автор обосновывает актуальность выбранной темы и ставит целью своего исследования изучение романтического аспекта рок-поэзии на примере творчества О. В. Арефьевой, в частности, исследование антиномии «человек – мир». Автор также приводит в пример работы филологов-исследователей рок-текстов, анализировавших данную антиномию на примере произведений отечественных рок-музыкантов.

Основная часть статьи содержит описание проведённого автором анализа текстов нескольких песен в контексте проявления романтической антиномии «человек – мир». Описан образ лирической героини, «Других» и образ спутника лирической героини, к которому она обращается на «ты» – единственному, кому она может довериться в своем противостоянии миру. В заключении автор делает выводы и обобщает результаты своего исследования.

Новизна темы, по мнению автора, заключается в том, что «несмотря на то, что творчество Арефьевой особым образом интегрировало в себя множество направлений и стилей, как музыкальных, так и литературных, её тексты до сих пор изучены недостаточно, а в контексте собственно «наследования» романтической традиции практически не рассматривались».

В результате анализа поэтических текстов О. В. Арефьевой и рассмотрения антиномии

«человек – мир» автор получил следующие выводы: «в поэтике Арефьевой антиномия «человек – мир» представлена в соответствии с романтической литературной традицией, сложившейся в русской культуре. Лирические героини автора представлены как индивидуалистки, стремящиеся сохранить свою непохожесть на окружающих, при этом испытывая страдание от одиночества и непонимания. «Другие» в поэтике Арефьевой – это общество прагматиков, циников, кровожадных лицедеев, ведомых простаков, что в лучшем случае проигнорируют существование лирической героини, а в худшем – будут пытаться уничтожить её ради удовлетворения своих интересов и прихоти».

Данные результаты можно считать научно обоснованными и достоверными.

Однако в статье имеются некоторые недостатки:

Недостаточно четко описаны методы исследования, а также цели и задачи.

Статья написана в стиле в соответствии с критериями, предъявляемым к научным статьям.

Объём статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя актуальные исследования по данной теме.

В целом, статья «Роль романтической антиномии «человек – мир» в творчестве О. В. Арефьевой» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в развитие литературоведения в области исследования отечественной рок-поэзии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале *Litera*.